

Елена Андрейчикова

Рыба на дереве

Что только мужчина ни сделает, ради того чтобы увидеть одобрение в женских глазах! Однажды и я на это попался.

Не поверил своему полтиннику, когда их увидел. Эти глаза. Шагнул влево и уставился. По съемочной площадке порхала она. Волосы другие, длинные, ноль косметики, балахон, но я все равно узнал. Восемь лет прошло.

Полтинник – это пятидесятимиллиметровый объектив.

В один миг воссоздал по памяти нашу последнюю встречу. Хорошо, крайнюю встречу, как сказали бы мои суеверные коллеги. Лежу дома третью неделю, поднимаюсь, только когда мама выходит в магазин, – чтобы покурить на балконе. Курю быстро, каждый раз две подряд. С агрессивной тоской, будто отсаженный в отдельный вольер самец в зоопарке, наблюдаю, как девушки оголяются все больше: ключицы, декольте, ноги, а вот вообще – обнаженная спина в белом льняном сарафане. Тонкая, ровная, наглая, загорелая. Смотрел бы и смотрел. Но лучше прикоснуться.

Прикоснуться мне не светит. По крайней мере до конца июня. Перевел взгляд с бронзовой уютной спинки на свою белесую руку. Загорать и тягать гантели мне тоже не светит, пришлось вернуться из Одессы домой к маме. В общежитии за мной никто бы так не смотрел.

Докурил, лег, начал играть с собою в игру: кто придет на мои похороны. По примеру Эрдмана*, на фильм о нем случайно наткнулся. Грустный одинокий фильм о любви – мне в самый раз. О любви – так создатели его позиционировали, а по мне – так он исключительно о нелюбви, это ж надо было столько лет стра-

* Николай Робертович Эрдман (1900-1970) – советский драматург, поэт.

дать друг по другу, вынимать друг другу мозг и сердце регулярными пронзительными письмами, но не быть вместе... Друг другу, понимаете? Не один страдает, а второму и в голову не приходит, что первый страдает, и никогда не придет, потому что тот первый сам не скажет, и никто его не сдаст.

Так кто придет на мои похороны? Длинный список у меня получился. Если бы в тот день под окном училища откинулся, возможно, весь курс бы и пришел. Преподаватели. Декан. Она. Хороший был бы день, насыщенный эмоциями, я не против за этим понаблюдать через дискретную оптику. С высоты или откуда там мне было бы положено.

После составил список тех, кто придет, если бы я умер сегодня. В июне, не в Одессе, забитые электрички, духота, мухи, осы, а вода в море плюс двадцать, не меньше. Как у Эрдмана, который после составил второй список – тех, кто придет на его похороны в дождливый день, список у меня получился намного короче. Первым пунктом в списке мама, вторым – бабушка.

– Здравствуйте, проходите! Проходите в комнату!

Приподнялся на подушках, вытянув подбородок. И нос, как будто именно им мне случилось бы унюхать, кто к нам пришел. Потому как ушами слышал вибрации ее голоса, но не верил.

– Здравствуй, Андрей.

Переступила порог и застыла. Никогда не видел ее такой испуганной. На экзамене наверняка она была испугана не меньше, но я, когда из окна прыгнул, не мог же видеть ее глаз. А сейчас смотрел и любовался. Темные точки, беспокойные, суетливые, окруженные ресницами и реальностью. Элис, то есть Алиса Александровна. На электричке? Или привезли? Белая рубашка, голубые джинсы, синие лодочки. Привезли.

– Ничего себе! Чем обязан? – растянул по слогам скепсис. Страх, сострадание, жалость? Удивите меня другой причиной ее прихода.

– Как себя чувствуешь? – она положила на стол возле постели пакет с апельсинами.

Я скривился. У меня аллергия на цитрусовые.

– Отменно! А вы? – на втором предложении я обмяк, спесь и скепсис улетучились. Она присела на край кровати, начала

что-то рассказывать о нашей группе, мы смеялись, она иногда касалась моего плеча, я рассматривал ее тонкую бледную шею, две мелких родинки у левого уха. Совсем короткая стрижка, рваная челка. Она болтала, а я представлял, что если дотронуться до волос, можно уколоться. До крови. Говорила тихо, глаза успокоились, смотрели прямо, уверенно, легкая улыбка убаюкивала меня, и я забыл про беспорядок в комнате, про то, что не принимал душ уже два дня, про то, что лежать мне до конца месяца в этой детской, которую, я надеялся, давно перерос, забыл про коллекцию машин, которую все собирался отдать кому-то, но так и не отдал. А вот про Эрдмана не забыл.

– Я тут в игру играю.

– Какую?

– Кто придет на мои похороны. Вот если бы в тот день, после экзамена, умер, вы бы пришли? Скорее всего, пришли бы. В Одессе. А вот если сегодня? И здесь же хоронили бы, пришли?

Я улыбался, а ее улыбка сползла. И глаза стали холодными, прозрачными, разочарованными. Ресницы аплодировали моей глупости.

Даже ругалась она трогательно и совсем не обидно.

– Бестолочь.

Резко вскочила с кровати и ушла. Не попрощалась и не оглянулась. Я вышел на балкон и следил за ней взглядом, пока не исчезла худенькая, хрупкая, белая рубашка.

Пролежал в постели до середины июля. Только потом разрешили ходить, помимо массажей прописали специальные тренировки, и я наконец попал на море.

Спина часто ноет и сейчас, хочешь не хочешь, вспомнишь, как все было. Но уже мимоходом, одним большим воспоминанием, ощущением. А в то лето у меня было достаточно времени, чтобы вспоминать каждую минуту, как же меня угораздило так бездарно отбить себе спину. Меня, человека, который собирался всю жизнь таскать в руках камеру, другой судьбы себе не представляющего, с детства мечтающего о больших проектах, полных метрах, крутых режах и тонких во всех смыслах актрисах.

А на втором курсе – актерское мастерство. И экзамен в конце года. Без которого никак не перейти на третий Грековки. Теперь

у этого художественно-театрального училища совсем другое название, как по мне, неприятное, режущее слух, не имеющее ничего общего с таинством и волшебством. Как хорошо, что я уже не имею к нему отношения: Коммунальное учреждение «Одесский художественный колледж имени М.Б. Грекова».

Но для меня оно останется родной Грековкой, как, собственно, и наш факультет кинофотовидеодела, который студенты между собой называли «кинофотовеломото».

Это самое актерское мастерство проходило раз в неделю по пятницам. Первая пара. На заре – прекрасная Элис, но бездарный я. То есть необходимость вставать в шесть утра и нестись через весь город (а я жил на улице Левитана, далеко от центра) для меня отсутствовала. Даже то, что занятия вела прекрасная Элис, не могло меня поднять. Зачем оператору театральный гротеск Мейерхольда? Увольте.

Но экзамен приближался. Жизнь моя была ветреной, легкой и воздушной, студент же, поэтому до последнего дня и не думал о том, как буду сдавать именно этот экзамен. И к таким предметам у меня подход был один, спасибо Эйнштейну: «Если вы будете судить рыбу по тому, как она лазает по деревьям...». Я ж оператор будущий, а не актриса.

А вот преподаватель мой, Алиса Александровна, лютая последовательница Станиславского, любимица Одесского украинского театра, думала и обо мне, и о том, как бы меня не завалить, но все-таки принудить к работе, а заодно и отомстить мне за все пятницы, когда я дольше положенного спал, а она, красавица и умница, нет.

– К экзамену подготовишься сам. Выбери любой монолог. Только наизусть выучи, пожалуйста. Вон, Татарчук попроси, она поможет тебе подготовиться. Ты же понимаешь, больше тройки тебе не светит. Но выучи обязательно. Чтобы мне перед остальными экзаменаторами не краснеть.

Поймала она меня за рукав в коридоре. Я еще утром долго перед зеркалом выбирал – футболка или рубашка. Поймала – не отвертись.

Месяц на то, чтобы морально и технически подготовиться к позору. Забыть о том, что сейчас апрель, мне восемнадцать,

я влюбился, впереди экзамен еще и по основному предмету, и наша коллективная короткометражка вот-вот будет готова. Мне следует обо всем этом забыть и лезть в непроглядную тьму под названием «актерское мастерство». Даже на любимых предметах я руку не поднимаю. Ненавижу на публике говорить. Нужно будет выйти на сцену, расправить крылья, это уж вряд ли, расправить хотя бы плечи, произнести монолог и убедить профессиональную актрису и педагогов со стажем, что я могу. На тройку. О большем и не мечтать.

Хотя почему сразу на тройку? Если я уже за что-то берусь, то иногда получается. Нельзя судить о рыбе по тому, как она лазает по деревьям! Она же будет считать себя душой. Своим советом Алиса Александровна заставила меня позариться на самую верхушку. Чувствовать себя полным дураком, но захотеть залезть.

Монологи Гамлета, Чацкого-тацкого я отмел. Не проникся. Я искал что-нибудь эдакое, что удивит Элис (так мы звали ее за глаза) и заставит верить даже Станиславского.

Поиски монолога заставили меня перечитать уйму пьес, с которыми уже был знаком, и парочку новых. Был найден монолог убийцы, не помню автора. Конечно, чем еще я мог взбодрить себя? Суть была в том, что маньяк-насильник, убивший сестру своей матери, расчленивший свою невесту и всех гостей на свадьбе, пишет трагическую записку, перед тем как прыгнуть в окно. Как раз по мне. Эту записку я и должен был прочесть на экзамене.

Я никогда никого не убивал в распространенном смысле этого слова. Так что вам ничего не грозит. Разве что несколько минут внимания. Где-то с трех лет ко мне во снах стал являться ужасный дьявол. Он поведал мне, что приходится мне отцом. В разговоре я понял, что наделен возможностью похищать души.

Помню только эти строчки. Когда перед Татарчук читал, она несколько раз повторила: «Не бубни, громче, еще громче».

Репетировал, зубрил, а слова улетучивались. Чтобы накрутить себя, войти в состояние, читал много про суицидников. И пьеса Эрдмана «Самоубийца» попалась кстати. Так я потом им и увлекся: фильмы и пьесы в записи пересмотрел, любовную их перепис-

ку со Степановой прочитал. Однажды всерьез обдумывал, что это хороший запасной исход на все случаи жизни. Когда третий час не мог один абзац запомнить. К вечеру отлегло.

Элис ловила меня еще два раза в коридоре. Спросила, что буду читать.

– Секрет.

– Давай так, чтобы твой секрет был раскрыт достойно. Верю в тебя.

– Рановато. И вы знаете, не стоит судить рыбу по тому, как она...

– Прогуливает лазанье по деревьям, – перебила она меня. – Знаю.

Оделся соответственно моим представлениям о человеке, который устал жить: черные брюки, черные лаковые ботинки, белая рубашка, две верхних пуговицы расстегнуты, волосы растрепаны, черные тени на глаза, спасибо Татарчук. И под глаза.

Помню каждый шаг, который сделал от дома до училища. Как уехала перед носом маршрутка. Как водитель следующей, в которую мне удалось втиснуться, не услышал меня, когда я просил остановить на углу Некрасова. Как больно прищемил себе колесиком зажигалки палец, когда прикуривал, подходя к училищу. Как заботливая на грани назойливости Татарчук в синем шелковом платье сказала мне «ни пуха ни пера», а я не ответил. Только когда вышел на сцену и увидел, что поцарапал где-то свою правую туфлю, до меня дошло, что я не сказал ей «к черту».

– Прощу вас, Андрей. Начинайте.

Опустил голову, постоял так с минуту, пока не выветрилось все постороннее. И начал. Медленно, тихо, чтобы они прислушались к каждому моему слову. Чтобы перестали кто шелестеть, кто улыбаться, кто шептаться, кто натягивать сочувственно на три мои прогулы.

Казалось, что сквозь слова слышно сердце. Которое сейчас из меня выпрыгнет. Не мое. Сердце убийцы. И как следствие – самоубийцы.

Посмотрел в глаза Элис, мне хотелось заплакать, нет, не мне настоящему, а вот тому несчастному, который писал прощальное письмо. Хотел бы я, чтобы и она заплакала. Чтобы поняла, что

чувствует этот человек. Я ощутил, верил себе, стал раскаявшимся убийцей, в меня вселились актерские бесы, не спешил, делал долгие паузы, не боялся тишины, я ею управлял. Стал всемогущей амбициозной рыбой, которая во имя дела, не совсем понятно какого, перфекционизма или весеннего всплеска гормонов, то ли покоренная чужой волей, то ли наоборот, в попытке ей противостоять – рыба, которая поджала хвост, подняла к небу прозрачные плавники и пытается зацепиться за кору дерева. Не зная, доберется ли до верхушки, надежды мало. Но хоть немного оторвется тельцем от земли. Пусть никому это, кроме меня, не нужно. И после только сессия, каникулы и забвение рыбьего подвига. Если ж не дам – то могут и выгнать.

Почему-то я решил, что мне это гениальное прочтение предсмертной записки никак не поможет дотянуться до намеченной четверки. Ни истерзанные жабры, ни напряженные колени задних плавников в лаковых туфлях. Решил прыгать.

Актный зал был на первом этаже, ветер теплый, окно открыто, я проверял несколько дней до экзамена, заглядывая в зал, когда никого не было. Не был до конца уверен, буду ли прыгать, но держал план в уме. А вот проверить, что творится снаружи под окном, ума не хватило.

А снаружи был цокольный этаж, а там вход в подвал и приоткрытая дверь. Не предусмотрел. На последних словах «Мне пора, дамы и господа. Время вышло. Спасибо за внимание» я выбежал из окна со скоростью падающей с дерева рыбы.

Пытался сгруппироваться. Мои позвонки тоже.

– Черт! Фак! Боже мой! – слышал я вдогонку. Элис вскрикнула. Как бы мне хотелось, чтобы она так вскрикнула не только из-за ответственности за мою жизнь.

Комиссия поставила тройку. С устным объяснением, которое мне на следующий день передала Татарчук: за угрозу собственной жизни, за возможную уголовную ответственность преподавателя в случае несчастного случая.

К костоправу ходил все лето. Продолжаю ходить два раза в год. Вспоминаю. Каждый рабочий день. Из-за спины.

И вот сегодня обычное световое пятно в объективе внезапно персонализировалось и превратилось в Элис.

– Э-э-э-э... Алиса Александровна! Вы меня помните?

– Помню, рыба, помню.

Тонкая и хрупкая, только с длинными до плеч русыми волосами. Упругими и жесткими. Кончики кажутся острыми, будто могут уколоть тебе палец, если дотронешься. До крови.

